
ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

УДК 811.512.211 + 81'33

DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-163-174

Лингвистические особенности эвенского архаического эпоса «Өмчэни» ‘Одинокий’

С. И. Шарина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются лингвистические особенности эвенского архаического эпоса – *нимкана* «Өмчэни», еще не введенного в научный оборот. Текст зафиксирован в 1961 г. в Усть-Янском районе Якутии. Учитывая актуальность систематического описания исчезающего говора, данный фольклорный текст представляет интерес для лингвистического анализа на уровне фонетики, морфологии и лексики. *Нимкан* демонстрирует наличие в усть-янском говоре диалектных признаков на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков, соответствующих западному наречию. Обнаруживаются и некоторые отличия и особенности, что должно быть учтено при систематизации и классификации диалектных данных.

Ключевые слова

эвенский язык, архаический эпос «Өмчэни», усть-янский говор, фонетические, морфологические, лексические особенности

Благодарности

Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН».

Для цитирования

Шарина С. И. Лингвистические особенности эвенского архаического эпоса «Өмчэни» ‘Одинокий’ // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 163–174. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-163-174

Linguistic features of the archaic Even epic “Өmcheni”

S. I. Sharina

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract

Folklore serves as a vital resource for both language restoration and preservation. While fragments of the Even epic tradition have previously served as illustrative examples in grammatical and dialectal studies, a comprehensive analysis of a complete narrative remains lacking. This paper presents a linguistic analysis of the archaic Even epic, the *nimkan*, titled “Өmcheni” (“The Lonely Man”), which has not yet been introduced into scholarly discourse. The primary focus is on the dialectal attribution of the epic. Recorded in 1961 in the Ust-Yansky District of Yakutia by the Even scholar V. D. Lebedev from the storyteller Innokenty Sleptsov, the text provides a unique window into a critically endangered idiom: the Ust-Yansky dialect, which lacks a systematic description. Applying methods of observation, description, and dialectological analysis, this study identifies the distinctive phonetic, morphological, and lexical features of the text. The analysis confirms that the dialectal characteristics of the epic align with the Western dialect of the Even language, while also revealing several unique idiosyncrasies crucial for the accurate classification of dialect data. Overall, the text of “Өmcheni” has been

© С. И. Шарина, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

found to exemplify the authentic speech of the Ust-Yansky Evens, effectively capturing both the territorial specifics of the dialect and the distinctive features of the folklore language.

Keywords

Even language, archaic epic “Өмчэни”, Ust-Yansky dialect, phonetic, morphological, lexical features

Acknowledgments

The research was conducted using the scientific equipment of the Shared Core Facilities of the Federal Research Center YSC SB RAS.

For citation

Sharina S. I. Lingvisticheskiye osobennosti evenskogo arkhaicheskogo eposa “Өмчэни” [Linguistic features of the Even archaic epic “Өмчэни”]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 163–174. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-163-174

Введение

В совокупности эвенских фольклорных жанров особое место занимает *нимкан* – архаический эпос, который демонстрирует не только ценные сведения о жизни народа, его мировоззрении и традиционной культуре, но и художественно-изобразительные особенности словесного искусства. Эвенский архаический эпос относится к наиболее ранней форме эпической традиции, который «...остановился на первоначальном этапе формирования» [Лебедева 1981: 18], не переходя на жанровые формы героического эпоса. Ключевым генезисом архаического эпоса эвенов является синтез мифологии и архаической волшебной сказки. В эвенском эпическом дискурсе эпический герой, наделенный чудесными качествами, преодолевает различные трудности для достижения своей цели, ведет богатырскую борьбу. В эвенской эпике доминирует семейно-родовая проблематика в сказочно-мифологическом оформлении, к которой относится и рассматриваемый *нимкан* «Өмчэни» ‘Одинокий’. Сказание представляет собой небольшой текст, исполненный сказителем-*нимкаланом* в виде прозаического повествования со вставками диалогов в песенной форме.

Язык *нимкана* может рассматриваться как один из важнейших истоков восстановления и сохранения языка. К настоящему времени язык эвенского архаического эпоса еще не получил достаточного научного освещения. Фрагменты эпических текстов ранее использовались только в качестве иллюстрационных образцов в грамматических и диалектных описаниях. При этом всеми исследователями эвенского языка неизменно признается диалектный характер языка эвенских сказаний, без них невозможно представить качественное исследование идиома, так как любой *нимкалан*-сказитель демонстрирует локальные территориальные традиции речи, это естественная черта устного народного творчества. Однако рассмотрение не только фрагментов и цитат, а всего цельного текста какого бы то ни было эпического сказания в контексте изучения говора ранее в эвеноведении не предпринималось.

Данная статья нацелена на выявление грамматических и лексических особенностей языка эвенского *нимкана* «Өмчэни» в аспекте его диалектной отнесенности. Ставятся задачи выяснения наличия диалектных особенностей на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков в тексте сказания. В работе используются методы наблюдения и описания, диалектологического анализа.

При классификации локальных вариантов эпической традиции эвенов в числе прочих выделяется северный сказительский очаг как локальная разновидность архаического эпоса [Шарина 2024a]. К данной традиции относятся *нимканы*, записанные в разное время эвеноведами в Аллаиховском и Усть-Янском районах Якутии. На первый взгляд, северная локальная традиция объединяет образцы различных языковых идиомов (аллаиховский и усть-янский говоры) разных прибрежных арктических административно-территориальных образований Якутии. Однако в соответствии с классификационными признаками и параметрами – ареалу распространения и диалектным особенностям языка сказаний – данные *нимканы* демонстрируют сходство не только на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях языковой структуры, так как оба говора относятся к западному наречию эвенского языка, но и обнаруживают близость сюжетов, мотивов, образов, композиции и других художественно-изобразительных особенностей.

Текст архаического эпоса «Өмчэни»¹ был записан на территории современного Усть-Янского района Якутии (в стаде № 7, в местности *Хули Дюн* 'Лисья Нора' Силиннхского наслега) в 1961 г. первым эвенским ученым В. Д. Лебедевым, который собрал не только самое большое количество эпических произведений, но и лучшие образцы по уровню мастерства сказителей-*нимкаланов*, по качеству фиксации и документации. Сказителем выступил представитель эвенского рода *кукуюн* Слепцов Иннокентий Степанович, 40 лет. В архаическом эпосе с использованием песенных вставок в виде диалогов запечатлен весьма распространенный у эвенов сказочный сюжет о девах-лебедях, прилетающих к двум братьям. Главный герой по имени *Өмчэни* 'Одинокий', похитив крылья одной из них, женится на ней, однако младший брат, получив золотой шар от девушки, отдает ей крылья, и она улетает. Герой уходит искать улетевшую жену. *Өмчэни*, преодолевая испытания, добирается через отверстие «за небо» и находит в чудесном верхнем мире свою жену и ребенка, становится с помощью тестя обладателем бесчисленных оленьих стад и предком эвенов.

Рукописный текст выполнен карандашом в авторском варианте фонетической транскрипции на 22 тетрадных страницах (8 страниц в печатном формате, количество слов – 1091).

Полевой фольклорный материал данной экспедиции В. Д. Лебедева на языке оригинала еще не введен в научный оборот. Магнитофонная запись сказания отсутствует (судя по всему, не велась), поэтому нет возможности нотировать песенные фрагменты. Запись данного *нимкана* обработана нами, расшифрована на принятой современной графике, переведена на русский язык. Данный текст может быть использован для исследования усть-янского говора, который еще не имеет систематического описания, а также для сопоставления диалектной речи середины прошлого века с говором настоящего времени.

1. Фонетические особенности

Рассматриваемый текст «Өмчэни» являет собой аутентичный образец языковой традиции усть-янских эвенов благодаря качественной фиксации собирателя В. Д. Лебедева. Фонетические признаки соответствуют чертам говоров западного наречия эвенского языка [Лебедев 1978; Дуткин 1995; Кузьмина 2010; Шарина и др. 2018], отличия можно охарактеризовать как более резкую выраженность той или иной особенности.

1.1. Редукция. В области вокализма значимой чертой является редукция широких кратких гласных [а] и [э], так называемое *ы*-образное произношение звуков. В транскрипционной записи В. Д. Лебедева редуцированные аллофоны [ä] и [ë] обозначаются как <ь>: *өмэ́н* 'один' обозначается собирателем как *өтэ́н*, *уча́йкэлкан* 'имеющий верхового оленя' как *иськы́лкан*, *эмэ́ргэ́һми* 'возвратись' как *э́мэ́ргэ́һми*. Однако, по мнению А. А. Бурыкина, идентичное обозначение редуцированных [ä] и [ë] как <ы> неприемлемо, так как при более детальном исследовании подтверждается различное звучание этих аллофонов по признаку ряда [Бурыкин 1986: 59–60]. Вероятно, в будущем следует более тщательно и развернуто рассмотреть редуцированные варианты звуков [ä] и [ë] с помощью методов экспериментальной фонетики. Редукция кратких гласных [а] и [э] в непервых слогах отмечается во многих говорах западного и среднего наречия. В записи сказания редукция фиксируется и в первых слогах, например: *bəj* 'человек', *gyrbə* 'имя'. В современных полевых материалах по усть-янскому говору такой редукции в первых слогах не наблюдается²: *гэрбэ́* 'имя', *бэй́* 'человек'. Ярко выраженная редукция характерна для говоров эвенов Якутии, относящихся к западному наречию [Лебедев 1978; Дуткин 1995; Кузьмина 2010; Шарина и др. 2018; Кузьмина и др. 2019].

1.2. Призвуки в абсолютном исходе слов. В записи сказания отмечены характерные сверхкраткие редуцированные призвуки [ʔ] и [ʕ] в абсолютном исходе односложных слов с прикрытым слогом: *гад^а* 'взял', *о́н^а* 'как', *иав^а* 'что', *и́н^а* 'зашел', *бу́н^а* 'были'. В наших материалах по усть-янскому говору наличие призвуков [ʔ] и [ʕ] в конце односложных слов также подтверждается: *буа́ʔ^а* 'месяц', *и́ʔ^а* 'звук'. Дистрибуция редуцированных призвуков подчиняется закону гармонии

¹ Лебедев В. Д. Материалы диалектологической экспедиции. 1961 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 56.

² Полевые материалы автора, собранные в Усть-Янском районе Якутии и у информантов из данного района в г. Якутске с 2012 по 2024 гг.

гласных: [ʔ] встречается в конце закрытых слогов с гласными заднего ряда в инлауте, [ʔ] – в исходе слов с переднерядными гласными. Такие призвуки ранее отмечались в говорах среднего наречия и в западных говорах. Вероятно, когда-то эти слова были двусложными по своей структуре [Цинциус 1947: 27].

1.3. Дифтонгоиды. В тексте «Өмчэни» фиксируются дифтонгоиды [ʷэ] и [ʷа], квалифицирующиеся как сложные звуки, состоящие из двух разных гласных: *“эчитлэн”* ‘после того как ударила’, *тʷэкʷ* ‘сейчас’, *иланмʷар* ‘тридцать’, *гʷа* ‘второй’. В наших полевых материалах по усть-янскому говору в дополнение к основному кратким и долгим гласным также подтверждается наличие дифтонгоидов [ʷэ] и [ʷа], характеризующихся скользящей артикуляцией двух разных гласных и образующих единый сложный звук.

[ʷэ] – дифтонгоидный долгий гласный переднего ряда, средне-верхнего подъема. В усть-янском говоре дифтонгоид начинается со звука, близкого к [и], и заканчивается призвуком другого гласного [э], встречается обычно в первом слоге, например: *“энүэ”* ‘язык’, *нʷэркэ* ‘место вокруг очага в жилище’, *нʷэкчир* ‘делают’, *тʷэкʷ* ‘сейчас’.

[ʷа] – долгий дифтонгоидный гласный переднего ряда, нижнего подъема, в усть-янском говоре реализуется с элемента, близкого к звуку [и], и переходит в [а], например: *нʷакычун* ‘молчит’, *гʷатмыр* ‘второй, старший’, *мʷан* ‘десять’.

Дифтонгоидные гласные [ʷэ] и [ʷа] обнаруживаются и в других идиомах эвенского языка, отличия составляют лишь различные оттенки реализации [Бурыкин и др. 2021: 35–36].

1.4. Спирантность. В области консонантизма в рассматриваемом *нимкане* отмечается почти полная спирантизация согласного [с] в фарингальный щелевой глухой согласный [h]. Спирантизация фиксируется в инициальном, медиальном и финальном положении, например: *һәдун* ‘иногда’, *һэд’э* ‘хороводный танец’, *дәһчин* ‘лег’, *һаһтиһһән* ‘схватил’, *һөлһәһ* ‘быстро выскочил наружу’, *көһдәһ* ‘совсем’. Однако в тексте встречаются и следующие примеры записи: *амчанси* ‘отец твой’, *һөтчәндүлэс* ‘в люльку твою’, где сохраняется переднеязычный щелевой глухой (напряженный) согласный [с]. Наши полевые материалы также подтверждают, что в настоящее время переход на полную спирантность в усть-янском говоре нельзя считать законченным, в отличие от других говоров западного наречия [Шарина 2024 б]. Фарингальный щелевой глухой согласный [h] в восточных говорах встречается только в начале слова: *һаман* ‘шаман’, *һөррән* ‘ушел’.

1.5. Ассимиляция согласных. В тексте сказания последовательно обнаруживаются сочетания *лд*, *мд*, *нд*, *уд* вместо характерных для восточных говоров и литературного языка сочетаний *лр*, *мр*, *нр*, *ур*. Данное чередование свойственно только западному наречию и является одним из его основных дифференциальных признаков, например: *Буючэлэн, һөтмэр д’уди биддәкән һүһинд’ал дэггәчәлдә, өгили эргинникән, икәлдә* ‘Когда поехал охотиться, а братишка был дома, начали летать лебеди, высоко кружась, запели’; *Өмчәничән тиминни бадикәр, һүһинд’ал әтләтән әмдә инүәт бидиди, амкәчан хәйәдун дәһчин* ‘На следующее утро Омчэни, еще до прилета лебедей, превратившись в шерстинку, лег на вершине бугорка’; *Өмчәничән нөләйи нүндән* ‘Омчэничэн пошел к брату’; *Чүкачан тарич куһайакан итиван дәтләчәнди патаккаттән хоһудан, хәд’әниддиди әтидүтән иттә* ‘Птичка крылышками била лицо ребенку, чтобы тот плакал, когда танцующие не видели’.

В записи *нимкана* при соединении корневых и суффиксальных морфем фиксируется уподобление предстоящего согласного последующему, например, показатель направительного падежа *-тки* переходит в *-кки*, а ограничительная частица *-ткан* / *-ткән* принимает форму *-ккан* / *-ккән*, например: *Тарак бэй буйурәкән әмәргәһми, д’үккийи мучуракан, үчакан йти кйһинуканакан иландук нулгәдук йһни* ‘Когда тот человек возвращался домой с охоты, скрежет зубов его верхового оленя был слышен с расстояния трех кочевков’; *Куһайакан мукулиһн’үми-ккән әвиникән әмәптән* ‘Ребенок же остался, играя только со своим шаром’. Подобная регрессивная ассимиляция наблюдается и в наших полевых материалах по усть-янскому говору и в целом свойственна западным эвенским идиомам.

2. Морфологические особенности

Морфологические признаки, присущие тексту сказания, также обнаруживаются в говорах западного, восточного и среднего наречий [Цинциус 1947; Новикова 1980; Лебедев 1982; Роббек 1989; Кузьмина и др. 2019; Бурыкин и др. 2021], различия выявляются в более или менее регулярном употреблении определенных грамматических форм.

2.1. Дифференциальные признаки западного наречия, обнаруживаемые в тексте сказания. В *нимкане* отсутствует эксклюзивная форма местоимения *бу* ‘мы (без вас)’, отражающая исключение адресата речи из дейктической зоны местоимения 1-го л. мн. ч. Данная черта характерна для всех говоров эвенов Якутии (за исключением березовского), относящихся к западному или среднему наречию. Обнаруживается использование личных местоимений *бй* ‘я’, *һй* ‘ты’ вместо притяжательных местоимений 1-го и 2-го л. *мин* ‘мой’, *хин* ‘твой’, например: *бй эдиуу* ‘мой муж’, *һй ойыһ* ‘твоя невестка’. В сказании не фиксируется употребление направительно-местного и направительно-продольного падежей. По нашим данным, вместо данных форм падежей в усть-янском говоре употребительны конструкции с послелогом [Шарина 2013].

В тексте обнаруживаются примеры с дезигнативом (пример 10), который рассматривается как суффикс назначительного падежа в соответствии с его статусом [Бурыкин и др. 2021: 228].

2.2. Согласование прилагательных с существительными. Из морфологических особенностей представляются интересными нехарактерные для западного наречия случаи оформления прилагательных показателями падежа соответственно определяемому существительному:

- (1) *Мэуэ=м* *мукули=в* *бө=ди=м!*
Золотой=ACC *шар=ACC* *дать=FUT=1Sg*
 ‘Золотой шар тебе дам.’
- (2) *Өмчэни=чэн* *дэун’эми=никэн* *өкэн’=нэ* *мө=лэ* *миркэ=н,*
Омчэни=DIM *терять сознание=SIM.CV.Sg* *молочный=LOC* *вода=LOC* *ползти=3Sg*
тари́ч *өкэн’=э=ч* *мө=ч* *ав=рй=н* *мэни.*
потом *молочный=VOW=INSTR* *вода=INSTR* *мыться=NFUT=3Sg* *себя*
 ‘Омчэничэн, теряя сознание, пополз к молочной реке, вымылся в молоке.’

Такие же нормы согласования прилагательных с существительными в числе и в падеже отмечаются и в наших полевых материалах по говору эвенов Усть-Янского района. Данная особенность характерна для говоров восточного, среднего наречия и литературного эвенского языка.

В тексте сказания употребляются две детерминативные формы с лично-выделительным значением, которые указывают на то, что действие выполнено непосредственно участником: *бэйдй* ‘сам’ и *мэ́нкэн* ‘сам’: первое используется преимущественно для 3-го л., а второе – для 1-го и 2-го л., например:

- (3) *Өмчэни=чэн* *эди=у=у* *мэ́нур* *мэ́нкэн* *дэлку=нди.*
Омчэни=DIM *муж=AL.POSS=POSS.1Sg* *самых себя* *сам* *разъединять=2Sg*
 ‘Мой муж Омчэничэн, ты сам нас разлучил.’
- (4) *Нө=н* *көчүкэн,* *ады-вул* *ану́йн=а=у=а=тти*
младший брат=POSS.3Sg *маленький* *несколько* *лет=VOW=AL.POSS=VOW=PRS.PART*
бэйдй *һагди,* *һө* *мә́лан*
сам *старый* *очень* *хороший охотник*
 ‘Братишка маленький еще, ему всего несколько лет, а сам взрослый, очень хороший охотник.’

2.3. Особенности в области глагола. В тексте высока частотность выражения прошедшего времени с помощью перфектного причастия на *-ча* / *-чэ*. Так, формы прошедшего времени глагола на *-ри* в сказании встречаются всего три раза (*гөбэрин* ‘исчез’, *тикрин* ‘упал’, *төйрин* ‘угостил’), а перфектное причастие используется более десяти раз. Данная особенность присуща западному наречию эвенского языка.

Обращает на себя внимание использование в тексте эпоса разных форм императива. Встречаются формы повелительного I (показатели *-ли*, *-гар-* / *-гэр-*, *-уар-* / *-уэр-*, *-лра-* / *-лрэ-*), повелительного II (*-да-* / *-дэ-* и системы личных суффиксов) и повелительного III (*-ја-* / *-јэ-*) наклонений, например:

- (5) «*Өмчэни=чэ=м* *буз=ла=н* *ан=да=ку*, *эртэки* *о=ли*», –
 Омчэни=DIM=ACC земля=LOC=3Sg столкнуть=IMP.I=1Sg сюда стать=IMP.II.2Sg
гөн=ни *чўкача=м*.
 сказать=3Sg птичка=ACC
 ‘Посторонись, чтобы я вытолкнул Омчэни на его землю», – сказал птичке.’

В тексте эпоса встречаются редкие для литературных и фольклорных произведений, как и для живой повседневной речи, формы повелительного III наклонения на *-ја-* / *-јэ-* и личных показателей 2-го л. ед. и мн. ч., которые вытесняются из обихода формами повелительного I наклонения. Форма повелительного III наклонения имеет значение скорее вежливой просьбы, нежели указания совершить что-либо, и употребляется по отношению к малознакомому или уважаемому собеседнику. Примеры:

- (6) *Аһатка=м* *ил'чарр=а=н* *ја́л=ли=йи*
 девушка=ACC заплетённая коса=VOW=POSS.3Sg рука=PROL=POSS.RFL.Sg
ут=ја=нди, *тарпайч* *мин=у* *кўни=ја=нди*.
 намотать=IMP.III=2Sg затем мой=ACC кричать=IMP.III=2Sg
 ‘Заплетенную косу девушки намотай на руку, затем оклики меня.’
- (7) *Этки=лэ=йи* *дюма=ја=нди*.
 тесть=LOC=POSS.RFL.Sg идти в гости=IMP.III=2Sg
 ‘К тестю своему иди в гости.’

Обычно в фольклорных материалах данная форма императива имеет семантику будущего времени или непринудительного действия с оттенком желательности, что подтверждается и в тексте «Өмчэни». В примере (6) имеется в виду отдаленное время действия, планируется завтрашний день героев *нимкана*. В предложении (7) демонстрируется скорее приглашение, а не требование выполнить действие.

Залоговые формы в тексте сказания встречаются редко, отмечены по одному примеру рефлексива, каузатива (пример 8) и реципрока (пример 9):

- (8) *Өмчэни=чэ=м* *д'эб=укэн=ни*, *д'алукун* *төй=ри=н*.
 Омчэни=DIM=ACC кушать=CAUS=3Sg досыта угостить=PST=3Sg
 ‘Накормил Омчэни, досыта угостил.’
- (9) *Тачин* *гөмэч=э=д=дид'ур*, *һонон* *дэгэл=дэ*,
 так говорить=REC=VOW=PROG=ANT.CV.PI. так и улететь=3PI
э=мнин *дө=р*.
 не делать=CONSEC.CV приземлиться=NEG.CONN
 ‘Так, переговорив, улетели, не приземлившись.’

Среди глагольных видовых показателей наибольшая частотность использования прослеживается у следующих форм: вид моментального действия *-сан-* / *-сэн-* / *-сн-* встречается 4 раза (пример 10), вид стремления совершить действие *-счи-* употребляется 4 раза (пример 11), вид длительного ослабленного действия *-дян-* / *-ден-* – 3 раза (пример 12). Другие аспектуальные формы в тексте используются в единичных случаях.

- (10) *Өмчэничэн* *нууа=ча=уа=йи,* *нөки=гэ=йи,*
 Омчэни=DIM лук=DIM=DES=POSS.RFL.Sg стрела=DES=POSS.RFL.Sg
ḡ=hna=n.
 делать=MOM=3Sg
 ‘Омчэни быстро сделал себе лук и стрелу.’
- (11) *Мэжу=м* *мукули=в* *ичукэчэ=hчи=н-дэ,* *кууа=йакан*
 золотой=ACC шар=ACC показать=CONAT=3Sg=PTL ребенок=DIM
э=h=ни *бө=p.*
 не делать=NFUT=3Sg дать=NEG.CONN
 ‘Пыталась показывать золотой шар, а ребенок все равно не дает.’
- (12) *Өмчэничэн* *аман=һи* *нам=а=нд’а* *барда=ла=н*
 Омчэни=DIM отец=2Sg море=VOW=AUG противоположный берег=LOC=3Sg
д’илики=кэкэн *ḡ=диди* *эм=э=д’эн=д’э=н.*
 горностай=DIM стать=ANT.CV.Sg приходить=VOW=DUR=NFUT=3Sg
 ‘Твой отец Омчэни на той стороне большого моря, превратившись в горностая, идет.’

2.4. Использование причастных и деепричастных форм. Для языка эпоса характерно регулярное использование различных причастных и деепричастных форм. Состав причастных форм, представленных в тексте, охватывает перфектное причастие (с суффиксом *-ча / -чэ*), причастие настоящего времени (*-ри / -ды / -ти / -ни / -си*) (пример 4), причастие прошедшего времени (*-дау / -дэу*). Текст «Омчэни» изобилует употреблением одновременного (на *-никан / -никэн*) (пример 2) и разновременного (*-риди / -тиди / -ниди / -диди / -сиди*) деепричастий (примеры 9, 12). Если в современных языковых материалах по усть-янскому говору обнаруживается тенденция к неразличению форм числа (что свойственно западному наречию), то в тексте эпоса представлена изменяемая по числам форма разновременного деепричастия с суффиксом *-дид’ур* (пример 9). Данная черта присуща говорам восточного наречия и литературному эвенскому языку.

3. Лексические особенности

Архаический эпос «Омчэни» в целом демонстрирует нормы аутентичного локального народно-разговорного языка усть-янских эвенов. Лексика эпического текста в основном представлена исконно эвенскими словами тунгусо-маньчжурского происхождения, не фиксируются юкагиризмы (хотя юкагирские диалектизмы свойственны усть-янскому говору), встречаются некоторые якутские заимствования, которые связаны с коммуникативной практикой.

3.1. Якутизмы. В тексте встречается слово *һонон* ‘так и’ (пример 8), которое в современном якутском литературном языке функционирует в форме *сонон* и понимается как усилительная форма причинно-следственного союза *онон* ‘так, и так’, выражающего заключение, некий итог с оттенком причинной связи [БТСЯЯ 2011: 523].

В авторском повествовании встречается также якутизм *кырынаһ* > (як.) *кырынаас* ‘горностай’, однако в песенной вставке от лица одной из героинь сказания при обозначении того же животного приводится эвенский аналог *д’иликикэкэн* ‘горностайчик’ (пример 11).

В рассматриваемом *нимкане* личное имя имеют лишь три персонажа: *Өмчэни*, его верховой олень *Худэрэнэ* и тесть героя *Бўскан Бўрай*, живущий в мире «выше небес». Данное имя не этимологизируется в эвенском языке, и в его сложной структуре усматривается якутское происхождение. Вообще эвенской мифологии и эпосу двойные или более сложные имена не присущи [Варламова и др. 2019]. Напротив, такое наблюдается в якутском фольклоре. Первая часть составного имени *Бўскан* может трактоваться как состоящая из слов як. *муус / буус* ‘лед’ и як. *хаан* ‘правитель’. Слово *хаан* обычно используется в якутском фольклоре в названиях различных божеств (например, *Дьылҕа Хаан*, *Чыныс Хаан* и др.). Вторая часть имени *Бўрай* в переводе с якутского ‘удалой, удалец’ также характерна для сложных имен якутских фольклорных небожителей и богатырей (*Сүгэ Буурай*, *Көр Буурай* и др.).

3.2. Диалектизмы. Из диалектизмов в *нимкане* можно отметить термин *өйи* ‘невестка’ (в восточных говорах *уги*, *өги*), который в тексте преимущественно оформляется суффиксом *-дмар / -дмэр*: *өйитмэр* ‘жена старшего брата, невестка’. В эвенском языке суффикс оценки сте-

пени проявления признака *-дмар / -дмэр* часто сочетается с терминами родства, например: *акад-мар* ‘старший брат’, *нөдмэр* ‘младший брат’. В тексте данное слово фиксируется и с оформлением редким показателем совместности *-чил*: *өйичил* ‘с невесткой’. Особенностью данного суффикса является то, что он употребляется в основном в сочетании с терминами родства, свойства и названиями домашних животных [Роббек 1989: 38–39], относится к неизменяемым. По нашим наблюдениям, имена с показателем *-чил* не оформляются справа личными и безличными притяжательными суффиксами. Это можно объяснить тем, что слова с показателем *-чил* несут в своей семантике значение принадлежности «своей»: *хутчэнчил* ‘со своим сыночком’, *хунуичил* ‘со своим хозяином’, *энинчил* ‘со своей матерью’, *унинчил* ‘со своей собакой’ и др.

В сказании слово *эмэргэдэй* ‘вернуться, возвратиться’ имеет более узкое значение ‘возвратиться с охоты’, причем приводится с другими глаголами с подобным значением *мучудай* ‘вернуться, возвратиться’, *мэрэктэй* ‘вернуться откуда-либо’. Возможно, это диалектная особенность, которая требует дальнейшего исследования.

3.3. Историзмы. В тексте *нимкана* фиксируются лексические единицы, вышедшие из активного употребления. Из устаревших слов в эпическом тексте выявлена лексема *мāнакан*, оформленная диминутивным суффиксом *-кан*, образованная от слова *мāна* ‘панцирь из кости’, которое в настоящее время встречается исключительно в фольклоре. Историзм *байкун* ‘игральная палка, клюшка’ – отглагольное имя, образованное от слова *байкундай* ‘играть, гоня мяч или чурку палкой’, также встречается только в фольклоре. В настоящее время оно является историзмом, игры такого вида у эвенов уже не фиксируются.

3.4. Фольклорная лексика. В тексте высока частотность употребления обращения *эдицу* ‘муж мой’ от *эди* ‘муж, супруг’. Данное слово встречается только в фольклорных текстах, причем преимущественно в диалогических песенных вставках от лица женского персонажа, разговаривающего с мужем. Обращение *эдицу* ‘муж мой’ присуще сказаниям на говорах и восточного, и среднего, и западного наречий.

Из фольклорных слов в *нимкане* регистрируется еще использование лексемы *мукули* ‘шар’. В рассматриваемом сказании другие синонимы слова ‘шар’ не используются, хотя в усть-янском говоре отмечается слово *чүндукан* ‘шар’ (в восточных говорах *чүнрукан*). Слово *мукули*, по нашим данным, фиксируется только в фольклоре эвенов – носителей говоров западного наречия.

Наблюдается обозначение числа шестнадцать *д’өр д’апкын* ‘две восьмерки’, встречающееся в фольклорных текстах, например: *Д’өрбу д’апкым эвэтлэйи кампыһ тикрым* ‘Две восьмерки ребра сломал [я], упав [с неба]’.

3.5. Метафорические выражения. Обращает на себя внимание слово *гāдиуалайи* и *г’āдиуайди* – иносказательное обозначение костра, огня. Данное слово этимологически возводится к основе *гадай* ‘взять, принимать’, далее при помощи суффикса *-дица* образуется причастие будущего времени *гадица* ‘тот, который будет брать, принимать’ и прибавляются падежные и притяжательные суффиксы *-ла* (местный падеж), *-йи* (возвратно-притяжательный суффикс), *-ди* (показатель творительного падежа). По всей видимости, в тексте причастие будущего времени *гāдица* ‘тот, который будет брать, принимать’ использовано в метафорическом значении ‘костер, огонь’, так как у эвенов до настоящего времени сохраняются элементы древних традиционных верований в духа огня и обязательное угощение огня перед любым значимым ритуальным действием.

В сказании также приводится выражение *илан нулгэ* ‘три кочевки’: *Тарак бэй буйуракан эмэргэһми, д’уккийи мучуракан, үчакан йти кйхинуканакан иландук нулгэдук йхни* ‘Когда тот человек возвращался с охоты домой, скрежет зубов его верхового оленя был слышен с расстояния трех кочевок’. Расстояние в одну кочевку равно приблизительно 10 км, значит, оленя слышно за 30 км. В сказании гиперболизация номинаций, намеренное преувеличение признака через эмоциональную выразительность создает образ оленя, обладающего большой силой и мощью.

3.6. Фразеологизмы. В рассматриваемом архаическом эпосе фиксируется неоднократное использование одного и того же устойчивого выражения *умаякчан’ди бүтудэй* ‘замерзнуть на своих соплях’. Эта речевая формула приводится в диалоговых песенных вставках двух разных героинь.

Песня птички Чукачана:

*Чипипи, чипипи,
Бйһий бн^а гөндим?
Эчин-тэкэн гөнэм:
Өмчэничэн амчанһи
Дючандулайи умаякчан'ди
Бүтүд энчэ бидин, гөнэм.*

*‘Чипипи, чипипи,
Что я могу сказать?
Лишь так сказала:
Отец твой Омчэничэн
В своей юрточке, видно,
Замерз на своих соплях, говорю.’*

В данном случае птичка, сестра девы-лебедя, узнав о приближающемся к ним Омчэни, скрывает это от других персонажей, танцующих хороводный танец *хэде*, и делает вид, что как бы осуждает героя, стараясь помочь ему таиться до поры, до времени.

Песня девы-лебедя, жены героя:

*Гивлин'чо-о, гивлин'чо-о, гивлин'чо-о,
Өмчэничэн эдиу,
Мэнуур мэнкэн дэлкунди.
Теккы д'өрэкэн йала-ла бакалдид'ип,
Гәдиуалайи гәдучалас.
Мэунун чүкачан бдид'ур һөрэд'эндип.
Эрэк н'анинд'а төлдэлэн
Бүскан Бүрай ам^а биһни.
Тарйала һөрид'эндип.
Тадувур-да г'әдиңәди
Умайокчән'ди бүтүд'иңэнди.
Теккил д'өрэкэн йала бакалдадип!*

*‘Гивлиньчо, гивлиньчо, гивлиньчо,
Мой муж Омчэничэн,
Ты сам нас разлучил.
Теперь уж второй раз не встретимся,
После того как ты бросил нас в костер.
Превратясь в золотых птичек, улетаем.
За этим огромным небом
Живет мой отец Бускан Бурай.
Туда и отправляемся мы.
Хоть на этом костре
На своих соплях замерзнешь.
Теперь уж второй раз не встретимся!’*

Вторая песня – прощание жены из-за того, что Омчэни бросил в костер жену и сына. В обоих случаях передается интенсивное эмоциональное напряжение героинь, осуждающих Омчэни (в первом случае, правда, притворно). По свидетельству наших информантов, выражение *умаякчан'ди бүтүд энчэ* ‘замерз на своих соплях (он)’ и *умайокчән'ди бүтүд'иңэнди* ‘на своих соплях замерзнешь’ может трактоваться как оценка ленивого, слабого, никчемного человека, не способного ни на что, даже вытереть свои сопли. Омчэни же, судя по тексту, прекрасный охотник, умелец, обладающий волшебными способностями, решающий свои проблемы наперекор всем трудностям, и такая оценка может только раззадорить героя и добавить больше экспрессии и выразительности для слушателя.

Заключение

В результате лингвистического анализа текста выявлены особенности *нимкана* «Омчэни» на уровне фонетики, морфологии и лексики. Судя по весьма качественной фиксации эпоса, количественно и качественно состав гласных и согласных фонем не имеет отклонений от эвенского литературного языка. В рассматриваемом *нимкане* прослеживаются следующие диалектные фонетические особенности: редукция, наличие призвуков в абсолютном исходе слов, дифтонгоидов, спонтизация согласного [с] в фарингальный [h], характерные для западных говоров чередования согласных, регрессивная ассимиляция. Морфологические особенности определяются как дифференциальные признаки западного наречия: отсутствие эксклюзивного местоимения *бу* ‘мы (без вас)’; использование личных местоимений вместо притяжательных; отсутствие форм направительно-местного и направительно-продольного падежей. Наряду с этим отмечаются и черты восточного наречия – согласование прилагательных с существительными. Фиксируется более высокая частотность употребления перфектного причастия на *-ча* / *-чэ*, нежели форм прошедшего времени на *-ри*, что присуще западному наречию эвенского языка. Выявляется довольно регулярное употребление определенных грамматических форм глагола: императивных показателей, некоторых видовых.

В лексическом составе выявляются якутизмы, собственно диалектизмы усть-янского говора, историзмы, фольклорные слова, метафорические выражения и фразеологизмы. Все приведенные особенности должны быть учтены при систематизации и классификации диалектных данных и определении места усть-янского говора в диалектной системе эвенского языка.

В целом текст *нимкана* «Өмчэни» сказителя Иннокентия Степановича Слепцова, записанный эвенским ученым В. Д. Лебедевым с соблюдением всех необходимых норм, несет в себе основные характерные признаки аутентичной речи усть-янских эвенов, прекрасно демонстрирующей локальные особенности носителей усть-янского говора и черты фольклорного языка. Как и любой фольклорный текст, он имеет перспективу изучения не только в собственно лингвистическом, но и в широком историко-культурном контексте.

Список условных обозначений

1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо; ACC – винительный падеж; AL.POSS – относительное притяжание; ANT.CV – одновременное деепричастие; AUG – аугментатив; CAUS – каузатив; CONAT – конатив (вид стремления совершить действие); CONSECV – последовательное деепричастие; DES – назначительный падеж; DIM – диминутив; DUR – дуратив (вид длительного ослабленного действия); FUT – будущее время; IMP.I – императив I; IMP.II – императив II; IMP.III – императив III; INSTR – творительный падеж; LOC – местный падеж; MOM – моментатив (вид моментального действия); NEG.CONN – коннегатив (форма глагола на -р); NFUT – аорист; Pl – множественное число; POSS – посессив; POSS.RFL – возвратное притяжание; PROG – прогрессив (конкретно-процессуальный вид); PROL – продолжный падеж; PRS.PART – причастие настоящего времени; PST – прошедшее время; PTL – частица; REC – реципрок; RFL – рефлексив; Sg – единственное число; SIM.CV – одновременное деепричастие; VOW – соединительный гласный.

Список литературы

Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 8 (Буква С). 572 с.

Бурыкин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме (на материале эвенского языка). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 384 с.

Бурыкин А. А. К фонологической интерпретации некоторых явлений в вокализме диалектов эвенского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск: Наука, 1986. С. 57–63.

Бурыкин А. А., Шарина С. И. Эвенский язык: Фонетика. Графика и орфография. Морфология. Новосибирск: Наука, 2021. 402 с.

Варламова Г. И., Саввинова С. Н., Нестерова Е. В. Имена собственные персонажей эвенского эпоса: словарь-указатель. Новосибирск: Наука, 2019. 220 с.

Дуткин Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб.: Наука, 1995. 144 с.

Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с.

Кузьмина Р. П., Шарина С. И. Особенности языка верхнеколымских эвенов. Новосибирск: Наука, 2019. 116 с.

Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.

Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 243 с.

Лебедева Ж. К. Архаический эпос эвенов. Новосибирск: Наука, 1981. 157 с.

Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. 2. Л.: Наука, 1980. 244 с.

Роббек В. А. Язык эвенов Березовки. Л., 1989. 207 с.

Роббек В. А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 725 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Т. 1 (А–Н). Л., 1975. 672 с.; Т. 2 (О–Э). Л., 1977. 992 с.

Цинциус В. И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.

Шарина С. И. Некоторые особенности языка усть-янских эвенов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 153–157.

Шарина С. И., Кузьмина Р. П. Нижнеколымский говор эвенского языка. Новосибирск: Наука, 2018. 184 с.

Шарина С. И. Локальные эпические традиции эвенов: лингвистический аспект // Полилингвальность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 213–222. URL: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222> (дата обращения: 15.01.2025).

Шарина С. И. Особенности консонантизма усть-янского говора эвенского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 3 (48). С. 172–179.

References

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 8 (Letter S), 572 p. (In Yakut, in Russian)

Burykin A. A. *Yazyk malochislennogo naroda v yego pis'mennoy forme (na materiale evenskogo yazyka)* [The language of a small people in its written form (based on the Even language)]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2004, 384 p. (In Russian)

Burykin A. A. К fonologicheskoy interpretatsii nekotorykh yavleniy v vokalizme dialektov evenskogo yazyka [On the phonological interpretation of some phenomena in the vocalism of the Even dialects]. In *Fonetika yazykov Sibiri i sopredel'nyh regionov* [Phonetics of the languages of Siberia and adjacent regions]. Novosibirsk, Nauka, pp. 57–163. (In Russian)

Burykin A. A., Sharina S. I. *Evenskiy yazyk: Fonetika. Grafika i orfografiya. Morfologiya* [Even language: Phonetics. Graphics and spelling. Morphology]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 402 p. (In Russian)

Dutkin Kh. I. *Allaikhovskiy govor evenskogo yazyka* [Allaikhovsky dialect of the Even language]. St. Petersburg, Nauka, 1995, 144 p. (In Russian)

Kuz'mina R. P. *Yazyk lamunkhinskikh evenov* [The language of the Lamunkha Evens]. Novosibirsk, Science Publ., 2010, 112 p. (In Russian)

Kuz'mina R. P., Sharina S. I. *Osobennosti yazyka verkhnekolymskikh evenov* [Features of the language of the Upper Kolyma Evens]. Novosibirsk, Nauka, 2019, 116 p. (In Russian)

Lebedeva Zh. K. *Arkhaicheskiy epos evenov* [Archaic epic of the Evens]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 157 p. (In Russian)

Lebedev V. D. *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [Okhotsky dialect of the Even language]. Leningrad, Nauka, 1982, 241 p. (In Russian)

Lebedev V. D. *Yazyk evenov Yakutii* [Even language of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1978, 207 p. (In Russian)

Novikova K. A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka: Ol'skiy govor* [Essays on dialects of the Even language: Olsky dialect]. Leningrad, 1980, pt. 2, 244 p. (In Russian)

Robbek V. A. *Yazyk Berezovskikh evenov* [The language of the Evens of Berezovka]. Leningrad, Nauka, 1989, 205 p. (In Russian)

Robbek V. A. *Grammaticheskiye kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 726 p. (In Russian)

Sharina S. I., Kuzmina R. P. *Nizhnekolymskiy govor evenskogo yazyka* [Lower Kolyma dialect of the Even language]. Novosibirsk, Nauka, 2018, 184 p. (In Russian)

Sharina S. I. Lokal'nyye epicheskiye traditsii evenov: lingvisticheskiy aspekt [Local Epic Traditions of the Evens: Linguistic Aspect]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices]. 2024, vol. 21, no. 2, pp. 213–222. URL: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-213-222> (accessed 15.01.2025) (In Russian)

Sharina S. I. Nekotoryye osobennosti yazyka ust'-yanskikh evenov [Some features of the language of the Ust-Yana Evens]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities research in the Russian Far East]. 2013, no. 6 (26), pp. 153–157. (In Russian)

Sharina S. I. Osobennosti konsonantizma ust'-yanskogo govora evenskogo yazyka [Features of Consonantism of the Ust-Yana dialect of the Even language]. *Severo-Vostochnyy humanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2024, no. 3 (48), pp. 172–179. (In Russian)

Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k etimologicheskomu slovar'u [Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for the etymological dictionary].

V. I. Tsintsius (Ed.). Leningrad, 1975, vol. 1 (A–N), 672 p.; Leningrad, 1977, vol. 2 (O–E), 992 p. (In Russian)

Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Even (Lamut) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 270 p. (In Russian)

Varlamova G. I., Savvinova S. N., Nesterova E. V. *Imena sobstvennyye personazhey evenskogo eposa: slovar'-ukazatel* [Proper names of the characters of the Even epic: dictionary-index]. Novosibirsk, Nauka, 2019, 220 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
23.01.2025

Сведения об авторе – Information about the author

Сардана Ивановна Шарина – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

Sardana I. Sharina – Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Northern Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

sarshar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>